

1929 год. В Залесовском районе начинается педагогический путь Веры и Галины Юдалевич. В село Большой Калтай их направляет крайоно — некому было работать в начальной школе. Галине — 16 лет, Вере — 15, девочки только что окончили девятиклассную школу с педагогическим уклоном

Вера и Галя

Галина Иосифовна Юдалевич. Фото опубликовано в книге: Балакина Е.И. На грани... — Барнаул, 2006

Вера Иосифовна Юдалевич. Фото опубликовано в книге: Балакина Е.И. Марк Юдалевич — Барнаул, 2018

В 1932 сестры Юдалевич вернутся в Барнаул, чтобы продолжить педагогическое образование и большую часть жизни посвятят барнаульским школам № 27 и 22.

Людмила Светова, работавшая в школе № 22 учителем английского языка, передала воспоминания Веры Иосифовны.

В дождливое августовское утро впервые уезжаю из родного дома. Впервые расстаюсь с родной семьей. Еду не одна: со мной едет моя сестра Галина. Она всего на полтора года старше меня. Школу мы окончили одновременно и обе получили назначение в Б.-Калтайскую начальную школу.

При расставании с семьей горько плакали, но успокоились быстро. Какая тоска, какие тревоги надолго сжимают сердце в 15-16 лет!

Ранним утром пришли в школу. Двухэтажный деревянный дом в центре села. Второй этаж занимает школа (три классные комнаты). На первом этаже — сельсовет и народный дом. В школе невообразимая грязь. Идем к Терёшкину (*председатель сельсовета.* — Е.К.): «Дайте известь, краску, ведра, тряпки...» Целую неделю с раннего утра до поздней ночи мы белили, скоблили, мыли. Приходили крестьяне, прибежали будущие ученики, смотрели, любовались: «Ишь, как побелили.

Баско». А мы и не догадывались попросить принять их участие в уборке. Сами они желания не проявляли.

Заблестела наша первая в жизни школа. Но нужна была еще наглядная агитация. В то время без нее нельзя было представить ни школы, ни избы-читальни... Пишем лозунги, некоторые из них запомнились:

«После хлеба самое важное для народа — школа». Ж. Дантон.

«Чем больше знает человек, тем он сильнее». М. Горький.

«Воспитание и только воспитание — цель школы». Песталоцци.

«Книга — огромная сила». В.И. Ленин.

«Милее книги в мире друга нет». А. Навои.

Коллектив сотрудников 22-й школы, 1955/56 учебный год. Вера Юдалевич — в первом ряду третья слева. (В центре — директор школы Смазнев Константин Николаевич). Фото предоставлено музеем школы № 22

Что осталось в памяти от первых лет работы? Прежде всего — мучительные раздумья о своем неумении учить детей.

Очень помог мне приехавший с проверкой инспектор района. Он несколько дней сидел на моих уроках, затем посоветовал мне послушать его уроки. Целую неделю инспектор занимался в моем классе, а я слушала с последней парты. Эта неделя была для меня первой и отличной педагогической школой.

Не всегда тяга детей к знаниям поддерживалась родителями, особенно если речь шла о девочках. Вот характерные аргументы, приводимые матерями наших учениц: «Я без грамоты живу и не жалуясь. Лен дергать, коров доить да у печи вертеться и без науки можно»; «У моей дочери сундук с нарядами, а у тебя — с книжками. Смех и грех».

Уроки проходили в первую половину дня. А под вечер мы приглашали ребят приходиться в школу снова. Собирались в одной из классных комнат, растапливали голландскую печь, располагались возле нее и при ее свете читали детям вслух книги.

Я видела, как на глазах дети становятся лучше, добрее. Я убедилась: ограничиваться общением с детьми только из-за учительского стола нельзя. Духовная близость с воспитанниками должна выходить за рамки урока.

Очень сблизил меня с детьми сельскохозяйственные работы. Мы помогали молодому колхозу пропалывать овощи, копать картофель, но главное, убирать лен. Работали дружно, помогали друг другу. Мне кажется безнравственным, когда учитель выполняет роль надсмотрщика, не работая вместе с детьми.

Особенно неумело мы рвали лен. Дети наперебой учили нас и очень радовались, когда их ученье шло впрок. Первое время было трудно. Мы с не привычки просто падали с ног. И когда повариха объявляла, что наступило время обеда, мы сначала несколько минут отлеживались прямо на поlose, а затем шли на полевой стан. Постепенно втягивались в работу. Усталость чувствовалась все меньше и меньше. И в обеденный перерыв мы, наскоро поев, устраивали импровизированные концерты: пели, читали стихи, разгадывали загадки. Сначала взрослые колхозники подходили к нам поодиночке, слушали, улыбались. А вскоре... взрослые, пообедав, гурьбой шли к нам послушать наши концерты и сами включались в наше пение. Чаще всего пели частушки.

В 4-м классе училась Катя. Ей было 14 лет: поздно пошла в школу. В ее семье было четверо детей и старшая Катя нянчила их, т.к. мать лето и зиму работала. У Кати было прекрасное контральто. Она знала множество частушек и пела их очень хорошо. Я научила ее петь русские народные песни. Вместе с ней мы на два голоса пели песни «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан»,

«Отчего, скажи, мой любимый серп, почернел ты весь, что коса моя» и многие другие.

Катя была красавицей: правильные черты лица, нежный румянец, толстая русая коса. «Подрастут, Катя, твои сестренки и братишки, семье станет легче. А ты поедешь со мной в Барнаул: тебе обязательно нужно учиться музыке и пению. Моя мама примет тебя в нашу семью».

Судьбой Кати жизнь распорядилась по-другому. Семья Кати попала в список «кулаков». «Кулацкая» семья имела лошадь, корову, свинью и десяток кур. Едоков было семеро: слепая 90-летняя бабушка, четверо детей и мать с отцом. В колхоз не вступали, вели единоличное хозяйство. Жили бедно.

...Площадь, прилегающая к сельскому совету, заполнена подводами. На санях взрослые, дети, старики, кое-какой домашний скарб. Не слышно обычного говора, шуток, не слышно и жалоб, плача. И жутко становится от этого молчания. Стою, не поднимая глаз... Хочу проститься со своими учениками, но грубый окрик уполномоченного по высылке людей лишает меня этой возможности.

Прошли десятилетия. Как-то забегает соседка: «Передавали (по радио. — Е.К.) концерт. Я не очень внимательно слушала — собиралась на работу. И вдруг слова: "Эту песню я посвящаю своей первой учительнице Вере Иосифовне Юдалевич, она научила меня любить русскую народную песню"».

— Как фамилия, как звали певичу? — спрашиваю.

— Запомнила только имя — Катерина.

Галина Юдалевич (в центре первого ряда) с выпускниками 1962 года.
Фото из аккаунта Андрея Ярочкина в «Одноклассниках»

Я не написала в радиокомитет, чтобы узнать, та ли это Катя, надевшая талантом и пережившая суровую юность. Не написала потому, что адрес ее мне не был нужен. Я не забыла и никогда не забуду выражения ее глаз, обращенных ко мне с немым вопросом: «Почему не защищаешь меня, ведь ты так много говорила и читала нам о справедливости и доброте?»

Очень много хорошего внес в жизнь села ленинградский рабочий Арсентьев. Он был одним из 25 тысяч рабочих — посланцев партии на укрепление колхозов. Возглавил в Б.-Калтае строительство машинно-тракторной станции.

Арсентьев приехал в село уже молодым человеком. В его семье было трое детей, двое из них — школьники. Живя в Ленинграде и работая на одном из крупных заводов, он вечерами занимался на курсах, готовивших режиссеров самодеятельного театра. Несмотря на огромную занятость, Арсентьев организовал в селе драматический кружок. Первая пьеса, которую он поставил, была «Гроза» Островского. Роли в этом спектакле исполняли учителя и сельские служащие. Я играла Катерину. И он, и я, мы оба понимали, что получается у меня плохо. Но заменить было, видимо, некем, и он терпел мою игру.

Драматический кружок разрастался, в него вступала сельская молодежь. Сельчанам спектакли

очень нравились. Мы стали выезжать с постановками в соседние села.езде пользовались успехом. Я ... стала бессменным суфлером. Правда, и на этом поприще у меня не все получалось гладко: когда было нужно подавать особо комические реплики, я смеялась, не в силах вымолвить слова, и очень подводила артистов.

Несколько позже Арсентьев организовал концертную бригаду, в которой участвовала и я, с удовольствием исполняя русские народные песни. Не забуду, как после моего первого выступления на сцене с песней «Не брани меня, родная» вместе со всем залом аплодировал мне Арсентьев, а в антракте подошел ко мне и сказал: «Это у тебя от Бога. На селе много девушек с хорошими голосами, займись ими».

Помню, как две девушки исполняли песню Сурикова о рябине. Зал, а вместе со всеми я с удовольствием слушали чарующую мелодию и проникновенные слова:

Что шумишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Низко наклоняясь
Головою к тыну?

Как будто кто ужалил меня, я вся сжалась. Куда девалось очарование? Девушки четко и ясно пропели: «...к тыну нагинаясь».

Накануне не помню какого праздника концерт вел молодой паренек. Мы с ним долго работали над чтением программы. Кажется,

все получалось отлично. Выйдя на сцену, он должен был сказать: «Дорогие товарищи! Поздравляю вас с праздником!» В слово «поздравляю» он вклинил лишнее «р» и с ударением на него произнес: «прздравляю». После концерта я упрекала смущенного конферансье за его ошибку. А в ответ услышала: «Не знаю, как я так оговорился. Рад изнестожить себя за это».

Везжала я из села потому, что в Барнауле открылось вечернее отделение педагогического института, на физико-математический факультет которого я поступила.

Много лет переписывалась со своими учениками. Приезжая в Барнаул, и они, и их родители заходили ко мне. Меня всегда интересовали судьбы моих воспитанников, жизнь села. Уже после моего отъезда в селе не осталось единоличных хозяйств: все жители вошли в колхоз. При мне в село пришел первый трактор. Это было величайшим событием. Дети буквально облепили машину, оглаживали его железные бока, не спускали глаз с этой диковины. А потом их прокатили на тракторе. Сколько было восторга!

У меня была двухнедельная дочь, и я была с ней дома. Неожиданно пришел к нам директор школы Н.Н. Денисов и сказал: «Если можешь, выходи на работу. Возьмешь классы Ненаховой. Ненахова и Шастин арестованы».

Ненахова и Шастин были лучшими учителями математики, славились в городе. Не буду описывать, как трудно мне было заменить прекрасного учителя. Вероятно, из сочувствия к моей молодости ученики меня терпели. Это были отличные ученики, я и сейчас их очень хорошо помню: Ядониcт, Красильников, Петрова и др. Многие замечательные учителя лишились в те роковые дни школы. Горькая чаша не миновала и Н.Ф. Шубкина, моего учителя литературы, блестящего педагога, умевшего научить понимать и любить литературу. Я вела тогда средние классы и взяла старшие, да еще после Ненаховой, было очень страшно.

Галя была великолепным чтецом. Будучи ученицей, она поражала учителей литературы не только тем, что на память знала много произведений великих писателей: «Евгения Онегина» Пушкина, «Казначейшу» Лермонтова, «Русских женщин» Некрасова — но и прекрасно их читала.

Во время войны Галя получала много писем с фронта от своих бывших учеников. Эти письма были проникнуты чувством благодарности к учительнице. А в одном письме от фронтовика из Б.-Калтая были такие строки: «Знаете, откуда пошло мое становление (как) человека? От ваших вечерних чтений».

В летний отпуск Галя уезжала домой в Барнаул на 1-2 недели. Остальное время вместе со своими учениками работала на полях колхоза. Галя положила начало и созданию в селе первой библиотеки. В то время молодая учительница сыграла первостепенную роль не только в воспитании и обучении детей, но и в зарождении культуры села.

В барнаульской школе № 27 Галя проработала 30 лет, из них 29 — директором. Общеизвестно, что в те годы 27-я школа была лучшей не только в Барнауле и крае, ее знали в республике. Все силы своего ума, всю волю, самоотверженный труд она отдала этой школе. Отпусков сестра не знала. В летний период она лично руководила ремонтом школы, пополнением библиотеки, закупкой школьной мебели. Ни разу в жизни она не была ни на курорте, ни в доме отдыха.

В годы войны вместе с учителями сама выполняла в школе ремонтные работы. Вместе с учащимися ездила в колхозы на полевые работы. Материально в годы войны жила очень трудно. На ее иждивении были маленький сын, мать и жена с ребенком умершего на фронте брата.

Когда Галя в начале 1940 годов стала работать в школе № 27, она размещалась в старом деревянном двухэтажном здании с цокольным этажом из кирпича на улице Пролетарской. Некоторые классы были проходными, рекреаций не было. В цокольном этаже была квартира уборщицы; позже, когда для школы было построено современное кирпичное здание в четыре этажа, по типовому проекту, на первом этаже было отдельное помещение, предназначенное для квартиры директора школы. Галя отдала эту квартиру двум старым одиноким женщинам: горбатой гардеробщице Саре Львовне и техничке Елене Александровне. Как жили ее сотрудники — это всегда было ее головной болью. Помню, как она озабоченно рассказывала, что у молодой учительницы квартира сырая, с клопами, а у нее маленький ребенок. Галя говорила: «Пойду в горсовет, там работает отец одной ученицы, буду просить помочь». Мы жили тогда в частном доме, у нас была домовая книга, в которой записывали жильцов дома, ставили печать, и это заменяло прописку. Много молодых учителей, еще не имевших своей квартиры, в разное время были записаны в этой книге.

Школа славилась мощным талантливым коллективом учителей. В школе всегда было чисто, тепло, уютно и красиво. Я училась в этой школе с шестого по десятый класс, я помню великолепные шторы на окнах, ковровые дорожки, в больших ящиках стояли высокие деревья — фикусы, туи, по стенам вились аспарагусы. Но главным украшением школы были школьная Третьяковка и Литературный музей.

В рекреационном зале на третьем этаже были развешаны копии картин Третьяковской галереи. Обращали на себя внимание прекрасные багетные рамы, сделанные самими школьниками на уроках труда в специально для этого созданной багетной мастерской. Дети были экскурсоводами в этой галерее, водили по ней гостей, рассказывали о художниках, о сюжетах картин. «Директором» этой Третьяковки была Ирина Александровна Бычкова.

Блестящим педагогическим достижением был Литературный музей в школе. В свое время он получил премии «Литературной

Третьяковская галерея в 27-й школе.
Фото из аккаунта Андрея Ярочкина в «Одноклассниках»

газеты» и журнала «Уральский следопыт». Много лет бессменным директором музея была учительница литературы Людмила Михайловна Остертаг. Когда музей создавался, помещения для него не было. Галя отдала свой директорский кабинет и перешла в учительскую, поставила у окна свой рабочий стол.

Еще в школе была школьная радиостанция и детская фотолаборатория, в которой вечно горел красный свет и раскачивались на веревках длинные полосы фотопленки. ❏